

дений монастыря Лемвиотиссы в с. Вари. Без всяких доказательств Б. А. Панченко утверждает, что парик был полным собственником спорного участка; это, как будто бы, можно видеть из того, что спорное поле было приписано к монастырскому селу, а не непосредственно к монастырю.

Спор, в разрешении которого участвовали многие чиновники и представители духовенства, окончился тем, что жители с. Приновари согласились на то, чтобы игумен своими руками вырыл межевые камни, означавшие границы поля, принадлежавшего Спану (*σὺ αὐτὸς πεζεύσων ἰδίαις χερσὶν ἀποσπάσεις τὰς στήλας τοῦ τοιοῦτου χωραφίου*), и чтобы никто из жителей не имел бы никаких прав на этот участок (*καὶ ὁ κρατῶν αὐτὸ οὐδεὶς ἔσται ἐξ ἡμῶν*).⁸ Жители с. Приновари единодушно давали свидетельские показания о том, что спорное поле с давних времен принадлежало парикку того же села Спану (*τὸ τοιοῦτον χωράφιον οἴδαμεν πρὸ χρόνων μακρῶν συμπαροίκου ἡμῶν εἶναι τοῦ ἐπιλεγομένου Σπανοῦ*).⁹ Ни в одном из этих свидетельств мы не усматриваем оснований для вывода о том, что Спан владел этим участком на основе неограниченной временем собственности. Единственным аргументом у Б. А. Панченко являются межевые знаки, которые окаймляли спорный участок. Но ведь никто никогда не оспаривал того факта, что парики держали определенного размера наделы, которые территориально были разграничены один от другого. Дело не в этой разбивке наделов, а в отношениях лица, державшего тот или иной надел, к крупному землевладельцу, будь то государство, светский феодал или монастырь. В другом месте Б. А. Панченко менее уверенно отмечает, что среди земель Вари не все участки принадлежали монастырю, что некоторые участки сохранили „признаки (подчеркнуто мною — Б. Г.) отдельной частной собственности“.¹⁰ Между тем в документе ясно указано, что до перехода к монастырю спорный участок принадлежал с. Вари, которое и было его собственником (*ἀποκατέστησε εἰς τὸ δηλωθὲν χωρίον τὴν Βάρην*).¹¹ Здесь идет речь, следовательно, не о том, на каких началах владел Спан этим участком (документ никаких сведений об этом не дает), а лишь о том, что это поле, которое было владением села в целом, после затянувшейся тяжбы перешло в окончательное владение к монастырю, что оно, таким образом, лишь переменяло своего владельца, причем крестьяне Приновари не смогли удержать за собой и этого и других выморочных участков в тяжбе с монастырем, во что бы то ни стало стремившимся округлить свои владения.

Излагая обстоятельства дела париков Гунаропулов, Б. А. Панченко сам приводит факты, свидетельствующие о том, что никакого права распоряжения своими участками эти парики не имели и, следовательно, ни о каком неограниченном праве собственности и речи быть не могло. Здесь сам Б. А. Панченко приводит характерное утверждение, что продажа спорной земли наследниками Гунаропула являлась бессмысленной, так как эта земля находилась во власти монастыря, должна была нести определенные повинности, т. е. была под тяглом (*ὡς ὑπὸ παροίκιον τελοῦσθαι*).¹² Любимым аргументом Б. А. Панченко, посредством которого он хотел доказать неограниченную личную собственность париков на землю, является, как мы видели, утверждение, что под паричским тяглом состоял не парик, с его правом собственности, а земля парика. Но в этом же

⁸ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 189.

⁹ Ibid., p. 188.

¹⁰ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 95.

¹¹ Miklosich-Müller Acta, IV, p. 188.

¹² Ibid., p. 199.